

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Л.Я. Костючук

МЕСТО ЗАПИСЕЙ РУССКОЙ РЕЧИ ИНОСТРАНЦАМИ В ИЗУЧЕНИИ ПСКОВСКИХ ГОВОРОВ (к пополнению источников по истории языка)

Положение Пскова заставляло его жить, постоянно сражаясь. Общение с внешними соседями, не всегда мирными (да и сам Псков был воинственным), закалило воинский дух псковичей. Приходилось строить крепости, монастыри, как крепости. В монастырях же, как это водилось во всей Европе, были и образованные люди, владевшие грамотой, создававшие произведения разных жанров. Книгописание в Пскове было хорошо развито: создавались рукописи от погодных записей – летописей, бесстрашно, а иногда и эмоционально отражавших историю псковичей, до воинских повестей, воспевавших победы воинов в ходе обороны города от беды - нашествий врагов. И простое население, как и новгородцы, владели грамотой: об этом свидетельствуют псковские берестяные грамоты, в которых один другому люди сообщали, например, о том, где, у кого находятся "*двои сапоги*" (= две пары сапог) (нам с И.К. Лабутиной приходилось расшифровывать некоторые грамоты) (см. [3]).

Б.А. Ларин задумал в середине XX века такой областной словарь (Псковский областной словарь с историческими данными [7]), который отличался бы "большим преимуществом перед всеми имеющимися областными словарями русского языка (как и других славянских языков)" [4, с. 3], который явился бы словарем 1) полного, а не дифференциального типа с отражением по возможности всех лексических и фразеологических единиц, попадающих в поле зрения собирателей и составителей словаря (а не только сугубо диалектных, "экзотических", с точки зрения носителей литературного языка, слов), и 2) словарем, в котором "будет наличие <...> большого исторического материала" [4, с. 3]. Такой грандиозный проект стал возможным не только потому, что Б.А. Ларин был творческим руководителем творческого коллектива учеников-сподвижников, но и потому, что, "кроме Новгорода, ни один край ("удел") феодальной эпохи не сохранил такого обилия торговой, юридической, политической документации, такой богатой местной литературы" [4, с. 3]. Выход уже 20-го выпуска ПОС свидетельствует о неиссякаемых источниках народной речи в прошлом и настоящем.

Разработанное Б.А. Лариным новое направление в лингвистике – изучение русской речи и по записям иностранцев в прошлом [5], которые, в силу своей любознательности, замечали

фонетические, морфологические и лексические особенности живой речи русских людей и графикой своего языка ("чужого" для русского) талантливо отражали их на письме. И это являлось подчас достаточно ранней фиксацией некоторых фактов языка, свидетельствовало о том, что развитие языка непрерывно на протяжении веков. И, самое главное, иностранцы, общаясь с русскими, прежде всего фиксировали живую, а не книжную речь, показывали бытовые названия реалий повседневной жизни псковичей. Такие наименования далеко не всегда попадали в книжные памятники.

Уже после кончины Б.А. Ларина ПОС очень украсил известный не только в Пскове, но и в мире Разговорник Т. Фенне [11]. Его составил в 1607 году в Пскове немецкий купец для того, чтобы облегчить своим коллегам общение с русскими. Пожалуй, ни одно исследование псковских говоров и псковской речи в прошлом теперь не может обойтись без обращения к этому памятнику. Талантливый составитель сумел показать прежде всего такие стороны псковской фонетики и лексики, которые составляют специфику псковских говоров, позволяют определить особенность языковой картины мира древних псковичей. Приведем образцы фиксации Т. Фенне псковских особенностей в речи носителей говоров начала XVII века.

И в современных говорах, и в Разговорнике Т. Фенне (раздел "Домашнее хозяйство") зафиксировано звучание слова *дошник*. Ср. в современных псковских говорах: "*Кадб бальиб бучка - душник, двбциать вёдер агуриуф влбзиль*". Пск. У Т. Фенне такое же слово находится в системе перечислений бытовых хозяйственных предметов [11, с. 98] (см. [7, в. 9, с. 191-192]). Это слово орфографически оформляется как *доцник*, означающее 'большая деревянная кадка, бочка', с исходным корнем *доск-* при графическом оформлении исторического чередования *ск//ц*, а долгий шипящий звук [шш] произносится в современных говорах как твердый звук [ш]. И, судя по записи у Т. Фенне, именно как твердый уже звук был отмечен и в начале XVII века.

Слово *дразньть* 'намеренно злить, сердить', отмеченное и у Т. Фенне, может произноситься в псковских говорах с заменой свистящего звука [з] шипящим звуком [ж], что составляет одну из черт псковских говоров: "*Ты чяву саббку дражньл?*" Н-Рж. Закрепившись, такое произношение способно лексикализироваться (стать основой создания слов с другой огласовкой). В таком виде оно встречается в однокоренном глаголе *дрбжить* в современных псковских говорах с тем же значением, что и глагол *дразньть*. *Дрбжить*, но уже со звуком [ж], а не [з], относится к другой словообразовательной структуре и имеет другую систему форм: "*Саббку будиш драбжыть, ня дъвъ, што и схвбтя зь штанън*". Кр. Т. Фенне уже фиксирует не только слово *дражить*, но и контекст: "*Очём ты меня дражышь? Я тебѣ не дую/вродѣ благой/упирь*" [11, с. 225; в этой реплике зафиксировано неудовольствие, когда говорящего кто-то намеренно дразнит] (см. [7, в. 9, с. 193]).

Естественно, что в памятниках псковской письменности (книжных, деловых) нет таких слов, поскольку они относятся к повседневной обычной жизни и обнаружить их можно было только в таком уникальном памятнике, каким является разговорник Т. Фенне с его установкой на разговорный русский язык.

Кто такой Т. Фенне? Вероятно, это один из тех немецких купцов, которые приехали в Псков с восстановлением в 1599 году торговых отношений Руси с Прибалтикой и Северной Германией. О.С. Мжельская, занимавшаяся изучением лексики обиходно-разговорного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков, приводит слова замечательных ученых (Р. Якобсона, Л.Л. Хаммериха при участии Э. Шонефельд, А. Стендер-Петерсена) из первого тома (всего 4 тома, посвященных изданию и непременно попутному исследованию, связанному с изданием памятника): "Трудно найти другой источник с таким поражающим количеством лексических, фразеологических и синтаксических фактов старорусского разговорного языка" (т. I, с. 24) (цитируется по [6, с. 21]).

И в XIX веке, и особенно в XX веке становились известными широкому кругу исследователей подобные разговорники, которые и составлялись в прошлом самостоятельно, и копировали предыдущие: это, по мнению Р. Якобсона была традиция ганзейских городов, торговавших с русскими городами Северо-Западной Руси. Наблюдения же издателей разговорника Т. Фенне

позволили прийти к ценному выводу: "Фенне <...> заполнил заимствованный каркас большим количеством новых наблюдений и оригинальных записей, заметная диалектная окраска которых обнаруживает несомненно псковское происхождение многих фонетических, грамматических, лексических и других особенностей" (т. I, с. 25) (цитируется по [6, с. 22]). Наши собственные исследования и лексикографическая работа над ПОС при использовании иллюстраций из разговорника Т. Фенне подтверждают это.

Исследователям псковских говоров и составителям ПОС повезло: в Кракове сначала в 1992 году (фотокопии памятника) [9], затем в 1997 году (транслитерация текста, индекс русских слов и словоформ) [10] был опубликован более ранний русско-немецкий разговорник XVI века (1546 г.) Т. Шrove, в части записей напоминающий разговорник Т. Фенне. Это подтверждает предположение Р. Якобсона о традициях руководств по разговорному русскому языку и позволило М.П. Алексееву высказать мысль (частично вслед за С.М. Строевым – 1841 г.), что памятник 1546 года является, видимо, копией с оригинала конца XV века. Таким образом, был некий образец для подобных памятников (см. [1]).

Оставляя в стороне возможный разговор о замечательной "Русской книге" Т. Шrove, которая "фиксирует живой разговорный язык с отчетливыми псковско-новгородскими диалектными наслоениями" [10, с. 9] (цитируется в переводе по монографии О.С. Мжельской [6, с. 15]). Судьба этого памятника сложна, в чем-то трагична, но в конце концов оказалась счастливой, особенно потому, что замечательный коллектив краковских ученых (А. Болек, Х. Ходурская, А. Фаловский, Й. Кунинская) под руководством В. Витковского изданием памятника в двух томах сделал его доступным мировой научной общественности.

Задача данной статьи не рассказать подробно об уникальных памятниках-разговорниках, а показать, что иногда как будто неожиданные, не совсем лингвистические сообщения служат лингвистике и могут объяснить условия, в которых совершалось общение иностранцев и русских.

На 54-м заседании 2008 года Археологического семинара имени академика В.В. Седова "Археология и история Пскова и Псковской земли" прозвучали сведения о Т. Шrove. В докладе М.Б. Бессудновой относительно положения Пскова и Псковской земли в сложных русско-ливонских отношениях конца XV века (1494–1500 гг.) сообщалось, что состоялся выгодный для Московского государства мир после русско-ливонской войны 1480–1481 годов из-за территориальных споров Пскова с ливонцами. В результате выгода сначала была и для пограничного Пскова, ведшего активную внешнюю торговлю. Но уже к 1494 году из-за продолжающегося конфликта в русско-ливонских торговых отношениях Псков стал отчетливо ощущать свою зависимость от Москвы [2, с. 305], ганзейские города страдали из-за нарушения Москвой условий русско-ганзейского торгового договора. И съезд городов Ганзы в Бремене решил приостановить торговлю с русскими городами. От этого особенно пострадали близкие друг к другу участвующие в торговле города: Рига, Дерпт, Ревель, с одной стороны, и Псков – с другой. И вот в 1494 году из указанных ганзейских городов было направлено в Москву посольство, в частности из Дерпта был ратман (бургомистр) Томас Шrove [2, с. 306]. Видимо, тогда он, сам не зная русского языка, и заказал составить "Русскую книгу" как разговорник (см. статью М.П. Алексеева [1]). С нее была снята копия 1546 года, которая и оказалась в Кракове после Берлинской библиотеки и была издана в 90-е годы XX века краковскими учеными.

В переведенных с немецкого и опубликованных М.Б. Бессудновой отрывках из разнообразных документов 1494–1500 годов не раз называется Псков как город, который объективно интересовал стороны в торговых отношениях (об этом может быть специальный разговор) (см. [2, с. 314–323]).

В изучении русского языка прошлых веков, в частности разговорного, велика роль прежде всего указанных разговорников Т. Фенне и Т. Шrove, как и так называемого Анонимного разговорника XVI века, созданного, видимо, на Северо-Западе Руси, может быть, в Пскове, который упоминается в памятнике [8].

Исследователи XX века, которые занимаются народной русской речью, благодарны тем иностранцам, которые взяли на себя труд осознать специфику русского языка и много веков назад

обратились к такому методически-исследовательскому жанру произведений, как разговорники. Стремясь познать язык своих коллег по торговле, они сохранили и донесли для последующих поколений живое звучание языка, что помогает многое понять в русском языке и XX-XXI веков.

Литература

1. Алексеев М.П. "Книга русского языка" Т. Шrove 1546 г. и ее автор // Памяти Л.В. Щербы. Л., 1951. С. 103-112.
2. Бессуднова М.Б. Псков и Псковская земля в контексте русско-ливонских отношений конца XV века (1494-1500) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: Материалы 54 заседания (15-17 апреля 2008 года). Псков, 2009. С. 302-324.
3. Костючук Л.Я., Лабутина И.К. Псковские берестяные грамоты № 3 и № 4 // Советская археология. 1981. № 1.
4. Ларин Б.А. [Вступление] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л., 1967. С. 3.
5. Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI-XVII веков. СПб., 2002.
6. Мжельская О.С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI-XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб., 2003.
7. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-19... Л. (СПб.), 1967-2008...
8. "Ein Rusch Boeck..." Ein Russisch-Deutsches anonyms Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert. Kūln-Weimar-Wien, 1994.
9. "Einn Russisch Buch" by Tomas Schroue the 16th-century Russian-German dictionary and phrase-book. P. I. Introduction. Photocopies. Cracow, 1992.
10. "Einn Russisch Buch" Thomasa Schrouego. Sownik i rozmywki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Cz. II. Transliteracja tekstu. Indeks wyrazow i form rosyjskich. Krakow, 1997.
11. T. Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. V. II. Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.